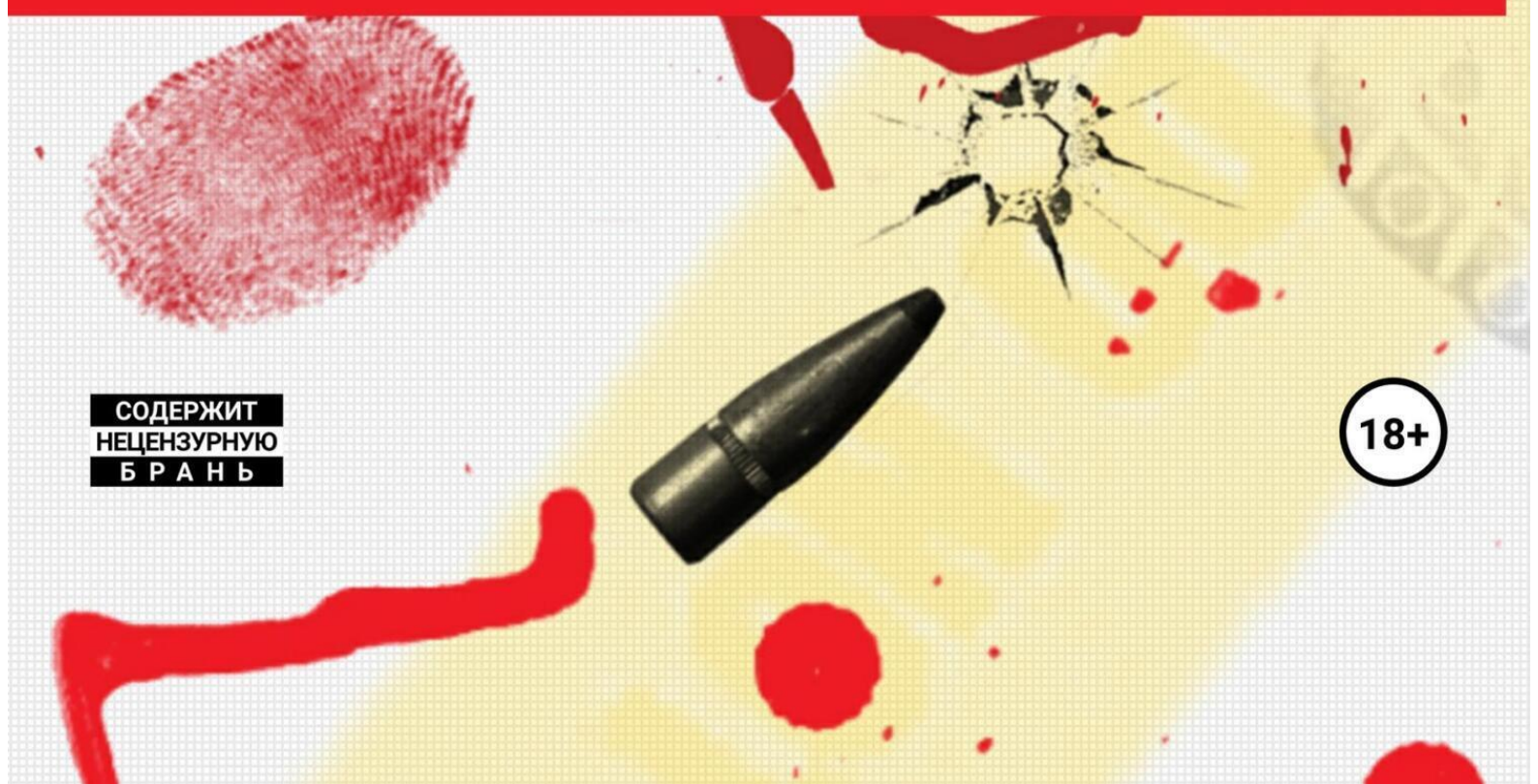

Василий Боярков

РЕЗИДЕНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Боярков

Резидент

«Автор»

2018

Боярков В.

Резидент / В. Боярков — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-10466-2

Книга рассказывает о хищении многомиллиардного долларового запаса России, совершенное совместными усилиями российских и американских гангстеров.

ISBN 978-5-532-10466-2

© Боярков В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава I. Первый мертвый	5
Глава II. Второй мертвый	8
Глава III. Допрос в милиции	11
Глава IV. Прекрасная секретарша	16
Глава V. Третий мертвый	21
Глава VI. В квартире у Владимира	24
Глава VII. Детство и юность	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Боярков

Резидент

Глава I. Первый мертвый

Где-то в конце «девяностых»...

В один из погожих августовских дней я находился в купейном вагоне поезда, сообщением Москва – Санкт-Петербург. Подъезжая к Московскому вокзалу, любовался открывавшимися красотами прекрасного города.

На то беспокойное время я являлся секретным «резидентом» российского ФСБ и числился под псевдонимом Барон. Прилипший позывной я получил вследствие частичной принадлежности к цыганской национальности. Действительное моё имя – Георгий Бестужев. Направлялся я на новое непростое задание, уготованное зловредной судьбой и «чувственным» руководством. Подобные путешествия являлись совсем нередкими и зачастую случались в избранной мною нелёгкой профессии. Основная моя задача – проникать в преступные группировки, сеять в них внутреннее смятение, постепенно дезорганизовывать и разрушать изнутри. Однако в настоящем случае немного считалось понятным; никто и не предполагал: откуда следует начать усердно работать?

Про меня следует сказать, что я был личностью вовсе незаурядной. Имел нестандартный мыслительный тип и частенько использовал подход не прописной, а истинно творческий. В общем, практически всегда мои поступки отличались диковинной нестандартностью и не подходили ни под одну разработанную в учебниках базовую программу. Внешностью Бог (спасибо ему!) одарил меня замечательной. Достигнув двадцатисемилетнего возраста, я обладал неслабой комплекцией: накачанные бицепсы выдавали человека физически развитого, обладавшего недюжинной силой. Кареглазая физиономия, по-мужски привлекательная, сопрягалась с тёмно-русыми волосами, уложенными пышной причёской; она направлялась на левую сторону и сводила с ума большинство представительниц прекрасного пола. Условие важное? Да. Оно позволяло непринуждённо завязывать с ними коротенькие интрижки, подчас, ну! просто необходимые. У мужской половины населения я, кстати, также, без особого труда, находил согласное понимание и заручался наивным доверием. Каким я прослыл по характеру? Ответить непросто, потому что, в зависимости от каждой, отдельно случившейся, ситуации, мне приходилось играть то ту, то иную роль. «Шилокрутил» я так искусно, что именитый писатель, сказавший известную фразу: «Весь мир театр, а люди в нём актеры», остался бы мною совершенно доволен. Одеваться предпочитал я однообразно: в излюбленный тёмно-серый костюм, строгий и недешёвый, белую водолазку, сугубо чёрные туфли. По простоватому виду меня можно принять за кого угодно, но только не за тайного агента спецслужб.

Возвращаясь к начальной сути, последнее дело явилось следствием излишней поспешности, направленной на уточнение некоей непроверенной информации. Она появилась, после того как раненый преступный «боец», член петербургского криминала, наговорил в бредовом припадке, что готовится крупномасштабное ограбление валютного запаса России. Сотрудники милиции, принявшие предсмертную исповедь «чистой монетой», поспешили поставить в известность федеральную службу, что, мол, готовится беспрецедентная акция.

Действительно (на то время), из частного оборота изъялось множество долларовых купюр, и по причине весьма весомой: они вчистую поистрепались и требовались к замене. Именно о денежной субституции и договорились Правительство России и ГОСДЕП США. Сумма планируемого обмена нигде, конечно, не оговаривалась, но становилось очевидно, что

она и огромна, и явно переваливала за миллиарды долларов. Ценный груз решили переправить посредством военного самолета.

Мои размышления прервались заглянувшим проводником. Он сказал фразу, заученную до речевого автоматизма:

– Подъезжаем. Поезд прибывает на Московский вокзал города Санкт-Петербург. При посадке будьте, пожалуйста, осторожны. Не оставляйте в вагоне личных вещей.

Я ответил, что прекрасно всё понял, что не премину воспользоваться добрыми пожеланиями и что мне самому желается избежать и телесного травматизма, и горьких сожалений о забытых предметах. Потом я принялся собираться, чтобы, нисколько не задерживаясь, побыстрее выскочить на перрон. Время склонилось за полдень, а мне ещё нужно успеть на улицу Декабристов, где в ресторане, с условным названием: «Элитное гнездышко», к семи часам вечера меня ожидает связной с подробными наставлениями.

Как только состав остановился, я протиснулся к выходу, а оказавшись снаружи, очутился на залитой солнцем многолюдной платформе. В Питере я бывал не единожды, но всякий раз, вступая на благодатную землю, не переставал дивиться величию великолепного города. Как и обычно, встреча с прекрасным начиналась с места прибытия поезда.

Московский вокзал – двухэтажное здание, для удобства пассажиров возведённое на площади Восстания, в центральной черте; оно органично вписалось в классическую архитектуру и украсилось чуть выступившими колоннами. Проходя через просторное здание, интуитивно, на подсознательном уровне, я вдруг почувствовал, что кто-то за мной наблюдает. Чуткая особенность выработалась за многолетнюю практику, вследствие чего я безошибочно умел угадывать, когда начинается тайная слежка. Чтобы убедиться в правдивости чувствительных ощущений я принялся наблюдать, пытаюсь вычислить, кто именно заинтересовался моей совсем нескромной персоной. Неумелый преследователь определился достаточно просто. Не прошло и пары минут, а я остановился на человеке среднего роста, отмеченного плотным телосложением. Одетый в серый костюм, досужий пассажир занимался чем угодно, но только не ожиданием попутного рейса; он так мало походил на скромного пассажира, что пробудил к себе повышенный интерес.

Что ж получалось? Меня контролируют свои, либо секретная информация (как в последнее время зачастую бывает) проскочила во вражеский стан, и теперь не мы ведём в закулисной игре, а значит – они! Не желая измучиться тупыми сомнениями, я (по устоявшейся в жизни позиции «всегда быть в курсе всего и везде») решил заманить «шпионскую тень» в укромное место и потолковать с ним там искренне, по «честным душам», да и расставить всё по местам.

Озадачившись благой целью, я двинулся через вокзальную площадь, направляясь к метро «Маяковская». Как и предполагалось, прилипчивый «хвост» увязался за мной. Он вёл себя вроде профессионально, но обмануть бывалого агента спецслужб (каким изволил быть я) явилось бы трудновато.

Зайдя во внутреннее пространство, я подошёл к «метрополитеновской» контролёрше, вежливо поздоровался и обратился с обычным вопросом:

– Можно пройти, не совершая оплаты? Полагаю, от одного безбилетника ничего не изменится и городской бюджет ни много ни мало не оскудеет?

Краем глаза я следил за неотступным преследователем.

– Много вас тут – таки-и-их! – всяких ходит, – ответила недовольная собеседница, – бесплатный проход разрешен лишь служащим госструктур да избранным депутатам... но вы же не депута-а-ат?

Интересный персонаж остановился подле стендовой информации и начал внимательно его изучать. Я в разговорном продолжении игриво предположил:

– Да, наверное, на народного избранника я мало похож, но, может, я являюсь сотрудником силовым?

– В таком случае предъявите служебные «корочки».

Я мог бы показать ей федеральную «ксиву», но непродолжительной беседой планировалось немного другое. Цель посчиталась достигнутой: я убедился и отчётливо себе понимал, что у меня появился клиент «до личной аудиенции». Не желая продолжить бесполезно трепаться, я вынул заранее припасённый жетон, вставил, куда необходимо вставлять, и беспрепятственно проследовал мимо.

Спустившись книзу, я прошёл через длинный перрон, а покинув пределы станции, углубился в тоннельный проход – по ходу движения поезда. Прошёл метров двести и заметил служебную дверь, закрытую на одну личину. С натренированной ловкостью (с помощью удобной отмычки), ловко отомкнул нетрудный запор и зашёл внутрь крохотной комнаты, в инвентарную кладовую. Размеры её казались достаточными, чтобы обстоятельно побеседовать с таинственным соглядатаем – выяснить основные мотивы, побудившие оказать столь пристальное внимание. А главное! Уточнить на чьей стороне он, неумелый, работает. Насущные вопросы занимали меня настолько, насколько, прислонившись к закрытой двери, я пристально вслушивался, когда же проследует прицепившийся «хвост». В тот момент я бы быстренько выскочил, резко втоптал бы его вовнутрь, а (уж в дальне-е-ейшем!) спокойненько обо всём расспросил. Как добывались (чисто!) сердечные признания, расскажу-ка особо.

Мои неприхотливые методы отличались потрясающей эффективностью. Сначала я предлагал облегчиться добровольным рассказом, раскаявшись словно в церковной исповеди. Естественно, представители преступного мира считали себя воистину набожными (ангелами, спустившимися с небес) и исключали наличие в «светлых душах» даже маленького намёка на отягчавший их суетный грех. Поэтому «обратное» приходилось всегда доказывать, делать немислимо больно, а (после!) всенепременно они вспоминали, что, оказывается, не очень и незапятнанные, и совсем небезгрешные.

Однако минуты тянулись, но мимо никто не прошёл. Томительное неведение начинало существенно раздражать: не особенно понималась действительная причина непонятной тактической рокировки? Я уж подумывал, что меня вчистую перехитрили, а вслух для одного, для себя, по-тихому произнёс:

– Что ж, раз так, пойдём пообщаемся при гражданских свидетелях.

Оно, конечно, внесёт определённые коррективы, то есть на некоторые вопросы, при озвученных обстоятельствах, не будут получены все правильные ответы. Но!.. По крайней мере, я сниму с себя негласную слежку.

С «благочестивыми» мыслями я вышел из инвентарной каморки, прошёл метров восемьдесят в обратное направление – и... увидел внизу, возле железнодорожного полотна, свалившегося преследователя. Из-за зиявших в сереньком пиджаке пулевых отверстий безошибочно полагалось, что признаки жизни подать тот вряд ли отважится.

Оставаясь верным закону, я позвонил по «02», сообщил об «убийственном» происшествии и пожелал остаться доносчиком, естественно неизвестным. Сам, недолго думая, отправился в условленный ресторан «Элитное гнёздышко»; там я намеревался встретиться со связным и, как ранее говорилось, получить дополнительные инструкции. Выбор общественной точки явился совсем неслучайным, потому как мог обеспечить наименьшую вероятность досадной утечки передаваемых сведений.

Глава II. Второй мертвый

Весь путь я проделал без маленьких происшествий и оказался в назначенном месте за час до нужного срока. Едва я очутился в шикарном пространстве, возникло особое чувство, что нахожусь в средневековом дворце, в коих жили особы, приближённые к императорам. Так оно, по сути, и было. Если смотреть в историю, то в здании, где расположился кабачок «Элитное гнездышко», находился чайный домик дворца, принадлежавший важным князьям. Во время коммунистического правления строение оставалось заброшенным. В начале «девяностых» в нём произвелась приличная реставрация и воссоздан дворцовый интерьер прошлого века. После тщательного ремонта открылся презентабельный ресторан, какой работает до сих пор.

Войдя в просторное помещение, обращаешь внимание на белую лестницу и однотонные ей колонны; они поддерживают выступ второго этажа, изображённый в форме полукруглых балкончиков. С потолка свисают хрустальные люстры с лампочками в виде свечей; при включённом свете, многочисленные подвески начинают переливаться золотистыми блёстками. По внутреннему периметру висят художественные портреты именитых владельцев. Интерьер далеких времен дополняет антикварная мебель, старинный камин и музыкальные инструменты; современные рояль и арфа ещё больше подчеркивают импозантную роскошь. Цветовая гамма состоит из белого, жёлтого и золотого цветов; их оттеняют напольные ковры синего и красно-бордового цвета и полутёмные шторы.

За одним из столиков я увидел Дмитрия Тоцкого, знакомого мне по прежним, удачно законченным, операциям; он числился капитаном в отделе по борьбе с оргпреступностью главного петербургского управления. Угар – его оперативное прозвище. Говорящий псевдоним заслужился благодаря неумёмной тяге к дешёвому алкоголю – практически всегда он находился под действием чего-то хмельного. Как, оставаясь верным отвратной привычке, он умудрялся добиваться значительных результатов – оставалось неразрешимой загадкой. Хотя, если быть объективным, опером Угар являлся прекрасным; именно с ним мы чуть ранее уничтожили в Питере «фрунзенскую» и «петроградскую» группировки.

Дмитрий Тоцкий служил с конца восьмидесятых годов, имел множество ведомственных наград и участвовал в крутых операциях, после которых воздух криминальной столицы становился чище, а жизнь гораздо спокойнее. Он достиг тридцатичетырёхлетнего возраста, отмечался высоким ростом, жилистым телосложением; лицо не представлялось красивым, но в общем и не отталкивало; взгляд серых глаз то словно пронзал насквозь, то говорил о полном его безразличии. Одевался всегда невзрачно и легко мог затеряться в серой толпе. Единственным недостатком считалось чрезмерное пристрастие к выпивке, но оно, скорее, ему помогало, и все давно смирились, что он практически всегда оставался «под мухой». Характером выдался целеустремленным, принципиальным, временами излишне дерзким. Угар отличался звериной хитростью и с лёгкостью охмурял любого, кто не был знаком с его лисиной особенностью.

Пользуясь избыточным временем, я подсел к давнишнему компаньону, чтобы чего-нибудь поразведать. То обстоятельство, что Тоцкий оказался в явочном ресторане, нехороших догадок не вызывало, потому как подобные заведения являлись местом его излюбленных посещений. Помимо прочего, я просто чертовски был рад его видеть, вспоминая, скольким ему обязан и сколько мы вместе перелопатили в рискованных приключениях.

– Здорово, приятель! – обратился я к Дмитрию, непринуждённо похлопав его по плечу, – Ты, как всегда, не изменяешь обычным привычкам. Если настанет время и ты попадёшь в немилость, то искать тебя будут в заведениях чисто питейных, ха-ха!

Я весело рассмеялся, радуясь безобидной шутке. Угар, казалось бы, искренне удивился и поспешил заверить, что сильно обрадовался.

– Рад, Барон, лицезреть тебя живым и здоровым! – в тон ответил мне Тоцкий. – Не перестаю поражаться, как ты умудряешься до сих пор не сдохнуть.

– Дима, ты, наверное, с кем-то меня попутал, – осёк я бывшего товарища. – Я Семён Борисов, прибыл к вам из Твери – по делам торговой фирмы; она занимается реализацией всего чего угодно, за что получают хорошие деньги.

– Понял! Извиняюсь. Очередное секретное поручение?.. Кто именно пострадает от рук неуловимого резидента? Я так понимаю, если приехал Георгий Бестужев, очередной зажавшейся группировке, обнаглевшей преступности, будет несдобровать – или я ошибаюсь?

Особых инструкций о чрезвычайной секретности я, если честно, не получал и сам себе порешил: «Неплохо бы иметь в ближайших помощниках преданного коллегу, на которого, в случае какой напасти, возможно всегда положиться». Однако начать вербовочную беседу тогда мне не удалось. Сказав, что пошёл в туалет, Угар поспешно поднялся и удалился из зала. Когда он вернулся и принял прежнее положение, я открыл ему «немногие карты»:

– Прибыл я по новому заданию «Центра». Стало известно, что одна из преступных группировок Санкт-Петербурга – а может и не одна? – собирается проверить небывалую акцию и стащить у российского государства несколько миллиардов долларов; их вынули из оборота и собираются поменять в США на новёхонькие купюры.

– Так, – вставил Угар, – значит, готовиться нечто серьёзное, и работы хватит на всех? Позволь поинтересоваться: с чего планируешь начинать?

– Именно это и является в настоящей истории самое интересное, – сказал я, разводя широкие руки; одновременно изобразилась тупая гримаса, яснее-ясного говорившая, что вот человек, которой понимает меньше всего, – и это же хотелось бы прояснить.

Поставить Тоцкого в курс, что у меня назначена отдельная встреча, я не успел. К нему на пейджер пришло служебное сообщение. Сказал, что на станции метро «Маяковская» обнаружен труп бандита, по прозвищу Борзый, – члена преступной группы, являвшейся настолько таинственной, насколько никак не удавалось определить её конкретного лидера.

– Работёнка предполагает быть увлекательной, – сообщил мне Угар, поставив в курс о личности пострадавшего, – я отлучаюсь. Буду нужен – заезжай в управление... запросто.

– Не забудь, что я Сеня Борисов и являюсь коммерческим представителем.

После последних слов Угар попросил бармена пополнить изрядно скопившийся долг и направился к выходу. Я выбрал незанятый столик, расположенный в затемнённом углу, откуда, ожидая связного, принялся наблюдать за входом. Чтобы не привлекать дополнительного внимания, я заказал себе выпить и лёгкий салат. Когда несложное пожелание было исполнено, я принялся наслаждаться приготовленным кушаньем, потягивая отличное виски; оно входило в питейную моду и вытесняло традиционную водку.

За приятным занятием я размышлял над тем немногим, что имелось в наличии. Деньги предполагалось доставить в Санкт-Петербург в строжайшей секретности, прямым на военный аэродром; погрузить на грузовой самолет и под вооружённой охраной отправить в Америку. Предполагалось, что бандитское нападение будет совершаться во время «досамолётной» транспортировки. Существовала немалая уверенность, что своруют деньги именно старые. Оно и логично, потому как их труднее впоследствии отследить, а, неучтённые, обменять – дело несложной техники. Новые же купюры, вот-вот напечатанные, по известным серийным номерам, обнаружатся практически без труда. Поэтому весь путь до военного аэродрома требовал придиричливой проработки. Хотя и предполагалось перевозить груз на военной технике, под бдительной стражей, но всем известно, что в конце «девяностых» преступная активность набрала достаточный общественный вес и имела серьёзную силу, способную противостоять даже российской армии. Помимо прочего, никто бы не поручился, что охрана передвижного состава не состоит на службе у криминальных братков или же основательно не подкуплена.

До знаковой погрузки оставалось не дольше недели – точная дата, понятное дело, не обговаривалась. Вот то контрольное время мне и предоставлялось, чтобы разобраться в сложившейся ситуации и исключить возможные затруднения. Что денежные капиталы окажутся кем-то похищены – я серьёзно не думал; впрочем, судя по устроенному ажиотажу, такая возможность не исключалась.

Мои размышления прервались видом подошедшего к ресторанному помещению Александра Карелина. Он слыл неплохим резидентом, имевшим оперативное имя Дантес. Присвоенный псевдоним заслужился из-за стойкой неприязни к поэтическим деятелям: один из них увёл безумно любимую жёнушку. Ему было лет что-то около сорока; внушительные формы вызывали немалое уважение; острый, едко пронизательный, взгляд каре-зелёных глаз мог навести ужас на кого не угодно. Одеваться изволил всегда изысканно; вот и сейчас, на нём красовался чёрный, великолепно скроённый костюм. Чуть больше года назад, под именем Стёпки Алмазова, с отличительным псевдонимом Алмаз, Карелин внедрил в питерскую преступность; сегодня он обязан был передать мне крайне важные сведения.

Александр взялся за ручку стеклянной дверцы, собираясь её открыть. Но!.. Получил добрую порцию свинца себе в спину и сразу же повалился на мраморные ступеньки. Заметив мелькнувшую лёгкую тень и предположив, что она имеет прямое отношение к смертельной раздаче, я бросился к выходу. Едва оказался на улице, безошибочно вычислил, что интересная личность садится в чёрное БМВ, в пассажирскую дверь. Очевидно, его ожидали, потому что машина просвистела шипевшей резиной и тронулась в путь, удаляясь от здания ресторана.

Регистрационные знаки я запомнить не потрудился, разумно предположив, что они, скорее всего, являются липовыми, а сама машина, естественно, угнанной. Полная убеждённости не помешала применить один из любимых приёмов. Кроме неизменного «тульского токарева», при мне всегда находились различные приспособления, технические примочки. Из грудного кармана извлёкся секретный прибор, похожий на обыкновенную ручку. С его помощью я выстрелил маячок спутникового слежения. Расстояние до удиравшего автомобиля равнялось метрам восьмидесяти. Удача! Я прицелился и попал. Убедившись, что нужная цель достигнута и что машина поехала с дополнительным грузом, я вернулся в приличное помещение и уселся дожидаться приезда милиции.

Оперативная группа прибыла на удивление быстро. Возглавлявший сотрудник, находившийся в чине майора, энергично взялся за розыскное дело. Велев никого не выпускать, он поочередно всех допросил. Когда дошла моя, едва ли не крайняя, очередь, я предъявил личные документы, выданные на имя Борисова, пересказал, что увидел, утаив немаловажную деталь с чувствительным маячком. Оснований для долгого задержания не возникло, и я был отпущен под честное слово – являться по первому требованию.

Надлежало подумать о скором ночлеге, и я решил найти приличную гостиницу, но обязательно где потише. Пришлось отправиться на проспект Энергетиков и забронировать номер в маломестных апартаментах «Небесные звёзды». Место не считалось особенно примечательным; правда, комнатное убранство выглядело комфортным. Мне достался номер с двуспальной кроватью, что для одного человека было более чем достаточно. Необходимые удобства имелись в доступном наличии, да и скромные ценники всецело устраивали. Оставалось хорошо выспаться, чтобы со свежими силами продолжить усиленно во всём разбираться.

Глава III. Допрос в милиции

Проснулся я отдохнувшим и подвёл неутешительные итоги. Посещение Санкт-Петербурга ознаменовалось сразу двумя убийствами. Первый труп являлся братком преступной группировки, по прозвищу Борзый; второй – мой коллега, хороший товарищ Александр Карелин. Оба убийства вязались со мной, но каким именно образом – я надеялся выяснить в ближайшее время.

Для начала необходимо, под каким-нибудь благовидным предлогом, попасть в управление внутренних дел, где через спутниковую связь определить, куда отправился прикрепленный к БМВ крохотный маячок. Покамест я не хотел расстраивать придуманное инкогнито, ведь мне ещё предстояло внедриться в преступный мир Петербурга. И тут я вспомнил Угара! Всё равно он меня узнал, а сотрудником он считался надёжным. Поэтому я счёл возможным попросить активной помощи именно у него и позвонил на домашний номер. Время являлось достаточно раннее: часовые стрелки только-только перевалили за пять. Неудивительно, что с той стороны послышался не сильно довольный голос:

– Да, слушаю... какого дьявола?!

– И тебе доброе утро тоже, – понимая Дмитриево состояние, любезно заметил я, после чего не замедлил перейти к насущной просьбе: – В общем, Угар, тут дело такое... Помнишь, ты вчера уехал на убийство Борзого?

– Конечно, ведь прошла всего одна ночь, да и то не полностью, потому что, в отличие от кораблей свободного плавания, – недовольный собеседник намекал на разбудившего «негодяя», – я пришёл домой далеко за полночь.

Вспомнив все любезные слова, какие употребляются, когда извиняются, я передал их Тоцкому, после чего продолжил:

– Понимаешь?.. Мне не к кому обратиться в Питере, кроме тебя. Короче, я желал бы оставаться Сеней Борисовым. Если же я везде начну хамить «фээсбэшными» корочками, не раскрыться будет достаточно трудно – ты не считаешь?

– Понял. В чём суть проблемы?

– Помощь мне потребуется несколько необычная, – продолжал я словесно грузить, – под благовидным предлогом мне нужно попасть в петербургское управление и получить недолгий доступ к штатному спутнику.

– Трудновато...

– Поэтому у меня возникла одна идея. Ты придёшь сегодня на службу да сообщишь, что имеется бесценная информация; дескать, некто Семён Борисов, поселившийся в отеле «Небесные звёзды», случился прямым свидетелем убийства Борзого – а может, причастен и сам?

– Так. Что дальше?

– Расскажешь, что обладаешь достоверными сведениями, – развивал я хитрющую мысль, – типа, знаешь, будто Борисов зашёл в подземный тоннель, по ходу движения. За ним проследовал Борзый, но обратно вышел лишь я. Куда делся покойный бандит – тебе не хуже меня известно.

– Интересно, ты что, действительно был на месте?

– Да, и при озвученных сейчас обстоятельствах.

– То есть хочешь сказать, – засомневался Угар, – что к убийству ты не причастен?

– Знаешь, я и сам пока не очень уверен, ведь новоявленный мертвяк за мной немного послеживал. Хотя сам я в него не стрелял, но что-то подсказывает, что его нечаянная смерть напрямую касается моей нескромной персоны.

Высказав Угару всё, что стало известно, я тут же осведомился:

– Как, ты мне поможешь?

– Хорошо, а на чём построить первичное обвинение? – вникал в основные детали Дмитрий. – Каким мы образом вышли именно на тебя?

– Придумайте что-нибудь, – развивая логичную мысль, я продолжил «рыть глубокую яму». – Скажите, кто-то производил любительскую видеосъемку, а случайный кинооператор запечатлел, как мы поочередно заходили в полутёмный тоннель, но вышел оттуда один, конечное дело, я. Заодно осмотрите комнату инвентарного инструмента, может, найдёте что-то указывающее на меня. А главное! Во время предварительного допроса ты должен сделать так, чтобы мы с тобой оказались один на один.

– Ладно, жди скорых гостей, – ответил Тоцкий и повесил проводную трубу.

Едва телефонная связь прекратилась, я стал размышлять, как бы мне не захватить в головное управление надолго, и только в ту сторону. Всего, что я наговорил, вполне хватает, чтобы закрыть меня, и даже предъявить конкретное обвинение. Озадаченный, я немедленно составил шифровку верховному руководству и попросил их поучаствовать в моей бедной судьбе – заставить «питерцев» не торопиться с установлением убийцы Борзого. Я уточнил, что надавить на них нужно не ранее послеобеденного времени, часов после трёх-четырёх пополудни.

К половине десятого утра я оказался полностью собран: помыт, побрит, одет и подстрахованный отправленным наставлением. «Тульский токарев» и все оперативные примочки я оставил в гостиничном номере. Хорошо понимая, что явись я с ними в управлении внутренних дел – придётся долго объяснять, для чего они предназначены. Я предпочел отправиться налегке.

Ожидание тревожное особо не затянулось. Тоцкий выполнил поставленную задачу – и в дверь моего номера ненавязчиво позвонили. Я открыл. На пороге стояли двое штатских людей, обличённых такими рожами, что если бы захотелось по ним ударить, то промахнуться навряд ли бы получилось. Лицевые выражения указывали на явное наличие низкого интеллекта. Скорее всего, присланных сотрудников использовали именно для подобного рода несложных заданий, потому что отказать столь бравым ребятам «проехать с ними!» стало бы сложно.

– Гражданин, как Ваше полное имя, – поинтересовался один, разворачивая служебное удостоверение «оперативного сотрудника петербургского главка», – желательно подтвердить его персональными документами.

– Вот личный паспорт, – ответил я крайне любезно, представляясь коммерческим деятелем.

Мордатый оперативник внимательно его изучил, в ходе чего квадратная физиономия значительно просветлела. Улыбнувшись, тоном не терпевшим ни маленьких возражений, он грубо распорядился:

– Вам, господин Борисов, придётся проехать с нами – для выяснения деликатного дела.

– Я так понимаю, если вопрос риторический, спрашивать о побудивших причинах не стоит, – съязвил я и также едко добавил: – Вещички собрать или можно пока воздержаться.

Мне было отлично известно, как разовьются последовательные события, но я не преминул сыграть туповатую роль «несведущего болвана».

– Вещи Вам не понадобятся, – сострил второй, – на питерском кладбище они не к чему, ха-ха! – он рассмеялся собственной плоской шутке.

Зная, что неприветливое обращение с лицами, подозреваемыми в убийстве, вполне естественно, и что, продолжая умничать, на пустом месте рождя реальную конфликтную ситуацию (она совсем не входила в первичные планы), я прикинулся полным профаном и скромно изрёк:

– Что ж, ведите, совсем нелюбезные господа.

Как уже говорилось, я полностью подготовился к милицейскому путешествию, поэтому запер гостиничный номер и последовал за могучими конвоирами. Мы спустились вниз, где возле парадного подъезда дожидалась убогая служебная тачка. Без лишних затруднений все вместе в неё погрузились и отправились в «убойный отдел», где мне готовилась тёплая встреча.

По городу мы проехали без каких-либо происшествий и прибыли на Суворовский проспект, к серому угловому зданию. Начиная со второго этажа, сверху поднимались двойные колонны, придавая строению дополнительную величественность; они как бы показывали его законную значимость. Чихавшая машина остановилась у главного входа. Не мешкая, мы покинули вовсе не ёмкий салон и втроём отправились внутрь. Провели меня в оперативную зону и завели в непривлекательный кабинет, где находилось три озлобленных сыщика. Среди них я с удовольствием отметил Угара. Он оказался немного навеселе, хотя время едва-едва приближалось к обеду. Другие сотрудники существенно отличались от тех, гориллообразных, что меня и доставили. Хотя развитое телосложение не вызывало сомнений в достаточной силе, лица являлись привлекательными, в проницательных взглядах угадывались недюжинный ум и глубокая рассудительность.

Рассматривая внимательней, я убедился, что один чуть ниже другого, что имеет карие глаза и что выделяется ровной формой округлого черепа; стричься ему, вероятно, не нравилось, потому как он выглядел абсолютно лысым. Сверху, на неприкрытой рубашке, находилась оперативная кобура, одетая на плечи и спускавшаяся под мышку; в ней легко угадывался традиционный милицкий «макаров». Второй был, естественно, выше. Резковатые движения отличались неутомимой энергией, голубые глаза выдавали живого, чертовски недоброжелательного, «мента».

Мне, как никому, была известна жёсткая процедура допросов, поэтому, едва мы взаимно представились (естественно, по документам Семёна Борисова), я рассказал, что прибыл в град Питер как коммерческий представитель – для развития деловых отношений с крутыми предпринимателями. Технические процедуры заняли около часа; наступало обеденное время и меня попросили посидеть в коридоре, так и не перейдя к основной причине, по какой изволили потревожить. Вывели в протяжённый проход и посадили на прикрученной лавке. Сами опера отправились с пользой проводить внеслужебное время. Ушли они все втроём, но минут через пять ко мне вернулся Угар и подсел на соседнее место.

– Какие наши дальнейшие действия, – произнёс он, стараясь казаться непринуждённым.
– Проведи меня к компьютерной технике, имеющей выход на спутник.
– Пошли, но у нас чуть меньше пятнадцати минут.
– Это более чем достаточно, – ответил я, – нужно только, чтобы связь оказалась устойчивой.

Мы прошли на другой этаж, в инженерный кабинет, где имелось всё нужное оборудование. Выйдя на федеральный спутник, я ввёл несложные коды и безошибочно угадал, где запущенный маячок находится; он удалился на городскую окраину. Я запомнил последний ориентир, свернул программное управление, после чего обратился к Тоцкому – сказал, что можно идти обратно. Тактическая операция заняла у нас не более десяти минут. Я с удобством развалился на протянутом стуле, жёстко привинченном у кабинета питерских милицеских сотрудников. Те мечтали вырвать у меня признательные показания – на убийство бандита Борзого. Они и не догадывались, какой поганенький сюрприз я им приготовил, – только бы московские коллеги успели отреагировать на посланную шифровку.

Через минут пятнадцать явились сытые дознаватели, и честно скажу: по ним я вообще не соскучился. Приняв решение играть до конца, я приготовился стойко переносить уготованные страдания.

Меня провели в пыточный кабинет. Грубым тоном, возразить коему для здоровья было вовсе не безопасно, мне предложили усесться на деревянный стул, поставленный ровно посередине. Понимая, каким я пользуюсь подчёркнутым уважением, поспешил исполнить их злобное указание. Что повыше, представился майором Лисиним и начал словесную давку:

– Итак, уважаемый господин коммерсант, зачем же Вы, действительно, прибыли в наш спокойный город? – он ещё и острил. – Мне кажется, Вы чего-то не договариваете?

– Да нет же, – отвечал я, стараясь казаться искренним, – всё, что мною рассказано, соответствует суровой действительности. Чего-либо укрывать у меня не возникает никакого желания.

– Тогда объясните, милейший, – вступил в словесный допрос второй, носивший звание капитана; он выделялся странноватой фамилией Зарубало, – что Вы делали вчера, около шестнадцати часов, в станции метро «Маяковская».

– Имел невинное намерение совершить посадку на электрический поезд и двинуться по нужному направлению, – выдвинул я простецкую версию.

– Знаете ли, Вы, дорогой господин путешественник, – Лисин снова язвил, – что, пока вы нетерпеливо ждали, рядом с Вами совершилось убийство одного криминального гражданина?

– Да, ладно?! – я выразил неподдельное удивление. – Очевидно, оно случилось чуть раньше, ну? или позднее – при мне никого не убили.

Я почти не лукавил, потому что хотя и видел покойного Борзого, но находился в полном неведении, как точно его «мочканули».

Допрос с пристрастием тем временем продолжался.

– Однако, – настаивал Зарубало, без моего согласия переходя на бесцеремонное «ты», – у нас есть неопровержимые доказательства. Какие? Сначала в туннельный проход заходишь – ты, а следом криминальный боец, по прозвищу Борзый, по фамилии Груздев, по имени отчеству Николай Сергеевич. Обрати, заметь, вышел один лишь ты. Озвученный Коля был найден мёртвым – он, простреленный, тихо полёживал снизу, прямо на рельсах.

Я сделал изумлённое выражение, не понимавшее сути происходившего.

– Нам бы очень хотелось себе прояснить, – подхватил его тему Лисин, – что ты, наглая морда, изволил там делать и как случилось то пулевое убийство.

Решив оттягивать контрольное время, я продолжил усиленно упираться:

– Можно ознакомиться с добытыми доказательствами?

– Всё очень просто, – настаивал Зарубало, – в то время один молодой человек занимался любительской видеосъемкой. Узнав о случившемся преступлении, он бескорыстно предоставил снятую видеокассету. Мы её просмотрели и безошибочно отгадали, что убийство Груздева и твоё станционное посещение – оба они связаны между собой напрямую.

– Сам понимаешь, – добавил Лисин, – установить твою личность труда не составило.

– Тогда, наверное, не станет дополнительным затруднением показать мне кассетную запись, – наглед я, прекрасно осознавая, что ничего посмотреть мы не сможем.

– Всему своё время, – осёк меня майорский опер, – сверх того, мы осмотрели кладовую, расположенную недалеко от места убийства. Там обнаружен подозрительный след, и что-то мне подсказывает, если тот ботиночный отпечаток сравнить с твоими туфлями, то будет полное сходство.

И здесь он промазал. Ожидая их скорый приезд, я успел купить другую обувь, а старые туфли выбросил в уличный мусорный бак. К нему как раз подъезжала погрузочная машина. Теперь, для того чтобы произвести их доказательное сличение, сначала потребуется осмотреть бескрайнюю питерскую помойку. Про себя улыбнувшись, вслух я отметил:

– Не исключаю, потому что прекрасно знаю, как в нашей любимой стране фабрикуются неясственные улики. Хотелось бы всё-таки просмотреть предъявленную видеозапись – я настаиваю! Предположу, если удалось заснять, как мы с убитым заходим в туннель, возможно, имеются и другие сведения; например, как входит кто-нибудь третий. Немало вероятно, что вы ту существенную деталь нечаянно проглядели.

– То есть ты признаёшь, что заходил туда совместно с Борзым? – перешёл на повышенные тона капитан Зарубало.

– Нет, не признаю, – продолжал ёрничать я, – просто любопытно насладиться изучением собранных доказательств. Мне начинает казаться, что никакой кассеты нет и в тухлом помине.

Майор Лисин ожесточённо похрустел стальными пальцами. Не вызывало ни малых сомнений, что затянувшийся допрос подходит к «чувствительной части».

– Как бы не так, – заорал он и грубо, и яростно, а следом нанёс в мою грудь нехилый удар.

Как ранее говорилось, я имел натренированную фигуру, и бойцовская практика не являлась в диковинку. Поэтому я выдержал первичное нападение, завершившееся внушительной оплеухой, последовавшей со стороны Зарубало. Приготовившись и дальше стойко выдерживать несчётную порцию болезненных тумачков, я, чтобы получить короткую передышку, растянуто попросил:

– Могу ли я немного подумать?

На редкостную удачу кабинетная дверь отворилась, и зашёл начальник моих невольных мучителей. Он отозвал обоих сотрудников в угол и стал им настоятельно чего-то советовать. Время перевалило четыре часа пополудни, и я прекрасно понимал, что (именно!) он им сейчас говорит. По моей же личной инициативе непочтительным операм разъяснялось, что и без того нелёгкое дело значительно осложняется, что появился какой-то подозреваемый, известный (как ни странно?) лишь высшему руководству, и что я, очевиднее всего, не имею к убийству Борзого никакого отношения (от слова «совсем»). Положение дел меня вполне устраивало, единственно, обратилось внимание, что Угар опасно вздрогнул. Я не придал проявленной реакции осмысленного значения, списав её на чисто похмельный синдром; помимо прочего, ему ещё предстояло оправдаться «за не нашедшую подтверждения никчёмную информацию». Тощий считался «птицей стрелянной», и в его разговорных способностях я ни секунды не сомневался.

После непродолжительной отдельной беседы, майор произнёс:

– Извините дорогой гражданин путешественник, вышла маленькая ошибочка – Вы можете быть свободны.

– Вы не представляете, милые служители закона, до какой степени я сейчас счастлив, – иронизируя, не преминул вставить я некорректное замечание, – что наше непродуктивное общение нисколько не затянулось. Желаю всем здравствовать!

После язвительных слов, получив «пропускной билет», я отправился к выходу. Мне повезло, что федеральное руководство не затянуло и своевременно тормознуло питерских сыщиков; стоило им замешкаться, и выбраться так безболезненно – мне вряд ли бы посчастливилось. Но! Всё прошло как по писанному, и у меня имелись истинные координаты, где скрывается «затравленный» маячок. Что-то мне подсказывало – дело сдвигается с мёртвой точки.

Глава IV. Прекрасная секретарша

Интересовавший адрес находился в Невском районе, на самой его окраине, и являлся автомобильным салоном. Трехэтажное здание, исполненное в кубической форме, отливало синевой стеклянных витрин; сквозь них наблюдалось множество иностранных автомобилей различных моделей. Помимо внутренних помещений, презентабельные легковушки находились на улице, на территории, огороженной прутковым забором; он представлял соединение квадратных штырей, смонтированных на одинаковом, сантиметров до десяти, расстоянии. Центральные ворота являли конструкцию, в целом похожую, единственное, в верхней части они сводились под правильный конус.

Время случилось позднее. Автосалон закрывался. В тот момент, когда я к нему подходил, с внутренней территории как раз выезжал примечательный БМВ; он был точь-в-точь, как причастный к убийству связного, и наводил на очевидные размышления, что продвигаюсь я в правильном направлении. Покрутившись какое-то время, как обычный зевака, я внимательно изучил искомый объект, не позабыв отметить, что ничего примечательного пока здесь не почерпну и, унылый, отправился отдыхать. Я прекрасно понимал, что завтра мне понадобятся немалые силы, моральная и физическая выносливость. Что поспособствует их естественному восстановлению? Правильно, плотный ужин и целительный сон.

До отельного номера посчастливилось добраться без дополнительных приключений. Основательно подкрепившись, я повалился в кровать и отправился в сказочное царство Бога Морфея. Ночь прошла спокойно. Проснулся я бодрым, готовым решительно «шилокрутить».

– Что ж, Барон, – подумал я вслух, – пора навести немного шороху – покуролесить в осином гнезде, – и, весело улыбаясь, отправился из комфортного номера.

Прибыв едва не к открытию, я дерзко проследовал внутрь, представился тверским торгашом и попросил пропустить к салонному дилеру. Пришлось подниматься на третий этаж. В приёмной сидела несравненная, ослепительной красоты, секретарша. На миг я просто застыл, не в силах оторвать восторженных глаз. Кое-как пересилив то трепетное волнение, я обозначил цель внепланового визита – сообщил, что имею благое намерение завести деловые связи с питерскими предпринимателями. В следующий момент она прошелестела миленьким голосом: «Господин Туркаев серьёзно занят, но, думаю, через несколько минут он всё же Вас примет». Наслаждаясь немислимой интонацией, в моей любвеобильной головушке само собой родились чувственные стихи:

О, Ангел! Нет, скорей Богиня!
Спустившаяся с небес,
В миру ты будь, моя Княгиня,
Существованья интерес.

Тебе готов я поклоняться,
Мой сладок сделался удел.
В мечтах в тебя я стал влюбляться,
С тех пор, как облик лишь узрел.

Ты воплощаешь смысл жизни,
На радость, счастье создана,
Тебе готов отдать полжизни,
И в общем, гибель не страшна!

Ты так прекрасна, что нет силы,
Очарованье передать пером,
И представляя образ милый,
В мечтаньях уплывать притом!

Твой голос так ласкает сердце,
Как летний лёгкий ветерок,
Глаза поманят, словно в детство,
Напомнят про любви урок!

Улыбка просто очарует,
Во взгляде можно утонуть,
Густые волосы волнуют,
В объятьях хочется заснуть!

Действительно, представленной красоты мне видеть ранее, ну! просто не приходилось. Хотя, если быть откровенным, повидалось немало. Сев ожидать, я украдкой разглядывал объект неутолённого вождения. На вид ей исполнилось лет двадцать пять (может, чуть больше?); невысокий рост казался высоким – так строен был восхитительный стан; смуглая кожа при ярком свете приобретала чудесный золотистый оттенок; в невинном лице таилось нечто наивное, детское, и, несмотря на яркую женственность, румяные щёки наводили на мысль о двенадцатилетней девочке, синие, сиявшие задором глаза – о девятилетней, а миловидный изгиб коралловых губ – о крохе, всего вернее о пятилетней; густые каштановые волосы, элегантной чёлкой закрывавшие лоб, сзади перехватывались красненькой ленточкой. Среди женщин, одетых в серый строгий костюм, она являлась единственной, которая могла похвастаться тем ярким, не к месту приспособленным, украшением; изумительные, точно точёные ножки помещались в остроносых удобных туфельках, не отмеченных завышенной шпилькой, и виднелись из-под выше обычного укороченной юбки. Подводя ошеломлённый итог, она излучала настоящую волшебную притягательность.

Возвышенные помыслы прервались серой действительностью. Кабинетная дверь распахнулась, и в приёмные апартаменты вышли двое мужчин: массивный хозяин и худенький посетитель. Проводив ушедшего гостя, Туркаев, возвращаясь, обратил внимание на меня. Выяснил о цели незапланированного визита и предложил направиться сразу к нему. Не буду особенно заостряться, что в преступном владельце я сразу признал человека, стрелявшего в Дантеса Карелина, нет! Я прибыл сюда не за мгновенной вендеттой, а продолжал продвигаться к детальной разгадке: кто набрался неслышанной наглости и кто имеет жгучее желание стащить государственную валюту? Я полагал, что во время убийства Туркаев меня не видел; по-моему, он с такой поспешностью удирал, что ни разу даже не оглянулся.

Когда мы взаимно представились, я сел на предложенный стул – напротив стола авторитетного собеседника. Каким Олег Туркаев выглядел человеком? На вид ему исполнилось не меньше лет тридцати; приятная внешность неплохо сочеталась с мужескими чертами и выдавала субъекта властного, честолюбивого, способного подмять под себя других; атлетическая фигура сочеталась с высоким ростом и ясно давала понять, что глупые шутки с ним точно закончатся плохо; пепельные глаза метали скрытые молнии и гармонировали с коротенькой стрижкой; тонкие губы, когда ядовито щерились, открывали блистательный ряд полностью золотых зубов – в общем, вся его зверская внешность наводила на дельную мысль, что бандистствующий «супчик» не лишился удовольствия посетить тюремные места заключений. Оделся он (бывший зека) просто шикарно: дорогой, с блестящим отливом, серый костюм великолепно соотносился с розовой, серебром расшитой, рубашкой. Под правой мышкой угадывались зна-

комые очертания; они напоминали оперативную кобуру, предназначенную явно не для солёного огурца.

– Итак, – начал он деловой разговор, – что Вы, Семён, сказали, привело Вас в северный город.

– Являясь коммерческим представителем, я послан в питерский регион для приобретения полезных связей, с возможным заключением выгодных, чисто успешных, контрактов.

– Почему Вас заинтересовал автомобильный салон – именно наш! Честно признаюсь, мы не планируем крупномасштабных проектов.

Я понял, что неумелый противник тупо меня прошупывает, поэтому прикинулся провинциальным профаном и незастенчиво продолжал:

– Случайно... проходил вот мимо, ослепился иностранным великолепием и решил поискать счастливую птицу здесь.

Заметив, что незатейливые слова производят необходимое впечатление и что туркаевское лицо залоснилось от личного удовольствия, я удвоился в лестной атаке:

– Когда же увидел прелестную секретаршу, то с лёгкостью понял, что здесь не обманут и что Вы именно те компаньоны, какие нужны.

– Да, она у нас неповторимая, несравненная, классная, – расплылся в самодовольной улыбке прельщённый хозяин, – и вовсе незаменимая.

– Да? И каким же образом?

– Она не только усердная секретарша, – продолжил Олег, – она ещё и чёткий бухгалтер, и до сих пор не замужняя, хи-хи, – не удержался он от едких хихиканий.

– Не может быть?! – удивился я едва ли ни неподдельно.

– Да, сердце её непрístupное, как валютный запас России.

Я догадался, что последние слова являлись проверочными и предназначались конкретно мне; сразу сообразилось, что бойкие ребята не полные идиоты и что они неплохо себе понимают – появление хитрого парня, каким изволю слыть я, в их бандитском заведении совсем неслучайно. Я выдержал пристальный взгляд, а никак не отреагировав, спокойненько продолжал:

– Интересно, а как её имя? – спрашивать про фамилию я пока не отважился. Тем более что возникла немаленькая уверенность, что с ней мы познакомимся немного позднее.

– Зовут её Катя, точнее Екатерина.

– Старинное красивое русское имя. Я уверен, про неё можно говорить практически бесконечно, но, может, вернёмся к делу насущному?

– Да, конечно... Просто Катя – это визитная карточка нашего заведения, – не без гордости заметил Туркаев, – с тех пор, как она у нас появилась, дела идут в гору.

– Очень заманчиво слышать. После продемонстрированной саморекламы становится понятно, что, наладив совместное сотрудничество, мы несколько не прогадаем.

В этот момент зазвонил проводной аппарат. Олег снял телефонную трубку, минуту послушал, что ему говорят, а после бросил незримому собеседнику:

– Понял.

Отключившись от связи, он, чем-то загруженный, рассеянно обратился ко мне:

– На чём мы остановились?

По нему было видно, что он куда-то заторопился, что страшно волнуется и что ни чуточку того не скрывает. Я решил воспользоваться встревоженным состоянием и ошарашил прямой линией вопросом:

– Кстати, не подскажите: где в Питере найти безопасное место, чтоб временно поселится? Громкая слава, как криминальной столицы, вызывает у меня серьёзные опасения: я второй день в городе, а стал невольным очевидцем заказного убийства.

– Неужели?! – напрягся Туркаев. – Как оно приключилось?

– На входе в ресторан «Элитное гнездышко», – спокойно продолжил я, скрытно наблюдая за последующей реакцией, – кто-то! – сделал словесное ударение, – в упор расстрелял беззащитного незнакомца.

Озадаченный собеседник не смог удержаться и явственно вздрогнул; по растерянному лицу пробежала еле приметная судорога. Мы практически раскрыли друг другу все очевидные карты, мол, понимаем, кто и чего представляет. Впрочем, я ни на шаг не приблизился к поставленной цели. До сих пор не представлялось ясным две вещи: какую особую роль играет Туркаев и как он участвует в подготовительных процедурах? Что он напрямую связан с хищением американской валюты – у меня не вызывало ни малых сомнений. Означенное обстоятельство подсказывало, что надо бы теперь осторожничать, чтобы не повторить судьбу Алмаза Карелина. Последние соображения показались излишними: я славился своей осмотрительностью!

Мысленные рассуждения прервались салонным хозяином. Он деликатно указал мне на дверь:

– Рад с Вами познакомиться, но обстоятельства чрезвычайной важности заставляют меня поспешить удалиться.

– Да?.. – решив продолжить затеянную игру, изрёк я резонный вопрос. – Как же быть с моим делом?

– Я вообще не вижу неразрешимых проблем. Екатерина Вам всё расскажет, а если Вас что-то заинтересует, то и покажет, – промолвил сухо, а сделавшись сладострастным, негромко воскликнул: – Катенька! Будь любезна, зайди, пожалуйста, ко мне на секунду.

Кабинетная дверь открылась и внутрь вплыла прелестная нимфа; она вызывала неприкрытое восхищение грациозной, до крайности изящной, походкой.

– Что-то угодно? – произнесла она бархатным голосом.

– Познакомь тверского коллегу с представляемым бизнесом, а если он на чём-нибудь заострится, подробно введи его в курс общего дела.

Отдав несложные указания, Туркаев, не дожидаясь, пока мы выйдем, быстрым шагом направился к выходу.

Как только авторитетный владелец умчался, мы с Катенькой (как мысленно, с большим удовольствием, я стал её называть) перешли в приёмное помещение. Она разложила передо мной автомобильные каталоги и занялась привычной работой – ловко застучала красивыми пальчиками по клавишам печатной машинки. Сделав обманчивый вид, что погрузился в детальное изучение, я украдкой разглядывал великолепную секретаршу. Попутно, в расположенный за девушкой оконный проём, я лично увидел, как Туркаев садится на пассажирское место знакомого БМВ и по-быстрому устремляется прочь. «Надо бы познакомиться с бандитским водителем», – сделал я беспорное заключение и принялся наслаждаться невиданной красотой.

Я расположился в мягком, удобном кресле. Рядом находился журнальный столик, отстоявший в четырёх метрах от рабочего места, где усердно трудилась ненаглядная Катенька. На бесподобной груди красовался служебный «бейджик», только-только входивший в необходимую принадлежность. Я усердно пытался прочесть, что же на нём написано, но и старался не привлекать избыточного внимания. Если долго мучиться, то что-нибудь да непременно получится. Милая девушка изящно привстала, расправила гибкую спину и, словно белый лебедь, поплывший по спокойным волнам, проследовала мимо меня, предоставив узнать, как же её на самом деле зовут. На личной табличке отчётливо значилось: «Вётрова Екатерина Сергеевна».

Выйдя из приёмных апартаментов, она отсутствовала около десяти минут, чем предоставила уникальный шанс изучить внутренние просторы более чем внимательно. Первым делом я просмотрел, чего она напечатала, – представилась какая-то чушь по накладным салонным расходам. Затем я бессовестно пошарил по ящикам письменного стола; не преминул сосредоточенно изучить установленный в помещении офисный шкаф. Помимо ничем не интересных

бумаг, я не обнаружил совсем ничего. Отсутствие явного компромата не вызвало особого удивления: я и не рассчитывал чего-нибудь обнаружить. Хотя сделать несанкционированный обыск был просто обязан – для успокоения бдительной совести. Едва заслышав лёгонький шаг, я плюхнулся обратно, в мягкое кресло, да принялся и дальше изображать приличного недотёпу.

Катенька зашла с оправдательными словами:

– Вы извините, мне потребовалось чуть-чуть отлучиться. Не возникло ли каких-то детальных вопросов?

– Я предполагаю отличные перспективы взаимовыгодного сотрудничества, – ответил я, не переставая поражаться нежному, до тонкости мелодичному, голосу, – но мне необходимо посоветоваться с моими соучредителями. Вы ведь понимаете Екатерина Сергеевна, что, действуя в одиночку, я рискую навлечь непривлекательную немилость.

– Да, да, конечно. Могу ли я предложить Вам чашечку крепкого чая?

– Буду Вам очень признателен, – продолжил я, наслаждаясь приятными тембрами, – с лимончиком – если возможно?

Ловко перебирая прекрасными ножками, она уплыла во вторую комнату, смежную с приёмной и кабинетом Туркаева. «Очевидно, у них, там, столовая», – напросилось резонное заключение. Через пять минут Катюшенька вышла, неся на подносе чайные принадлежности. Она поставила их прямо передо мной, да с таким неповторимым изяществом, что вызвала невольное, странное и непонятное, ощущение. Я задался разумным вопросом: «Что, интересно знать, столь замечательная девушка подделывает в чисто бандитском вертепе?» Что шарашкина контора, как те «Рога и копыта», всего-навсего завуалированное прикрытие – я уже несколько не сомневался.

Закончив с горячим чаем, я попросил у Катеньки предоставить мне осмотреться и поглазеть на выставяемые модели. Она охотно согласилась помочь, вызвала по внутренней связи гориллообразного верзилу, объяснила, что нужно делать, и вновь занялась «стучавшей» работой. Выходя, я вежливо попрощался, а между делом внёс специальную смуту, объяснив, что мне бы хотелось посетить и другие, конкурентно способные, фирмы. Не буду останавливаться, как я в течении трёх часов, ходил по одному и тому же кругу, как изображал искушённого, технически маститого, знатока и как заваливал подуставших сотрудников тупыми вопросами. Скажу лишь, что, решив не дожидаться главного преступного деятеля, я сослался на неотложные поручения и скромненько удалился. Из сегодняшнего посещения просилось два убедительных вывода: первый – нужно непременно «в дружественной обстановке» пообщаться с водителем Олега Туркаева; второй – определённо тот что-то знает.

Глава V. Третий мертвый

Прохаживаясь по залам, я выяснил, что бандитский автосалон закрывается в семь часов вечера; особо запомнилось, что Туркаев отвозит прелестную секретаршу домой, а сам отправляется отдыхать в какой-нибудь развлекательный ресторанчик. Его дневной водитель домой возвращается отдельно, на личной машине классической российской модели. Не буду ходить вокруг да около. Какой именно автомобиль принадлежит водителю – я тоже узнал. Помимо прочего, я выяснил, что зовут его Игорёк Караваев.

Обладая достаточной информацией, нужно дождаться скорого вечера и Гошика (как я мысленно его окрестил) невидимо проводить. Чтобы убить бесцельное время, я отправился подкрепиться, а заодно обдумать реальное положение.

Ровно в половине седьмого вечера я нанял такси и остановился караулить недалеко от туркаевского салона, напротив ворот. Добродушный водитель (мужчина, на вид достигший лет сорока и начинавший изрядно лысеть) по голубым весёлым глазам производил впечатление человека словоохотливого, и я решил осторожно его расспросить:

– Что, дядя, – начал я, – случайно, не в этом районе живёшь?

– Вот уже двадцать пять лет, – непринуждённо ответил тот.

– Меня Сеней зовут, – поспешил я представиться, чтобы вызвать простое доверие.

– Семён, значит, – констатировал приветливый собеседник, – ну, а я обыкновенный Иван.

– Замечательно! Вот и познакомились, – озарился я видимой радостью и перешёл к вещам, куда более мне интересным: – А что, автомобильный сервис давно уже здесь находится?

– Порядка, неверное, лет пяти, – откровенничал Ваня, – только я вот что тебе скажу: он пользуется не слишком хорошей славой, больше того – сомнительной репутацией.

– Даже так? – я выразил почти неподдельное удивление, – Интересно, а с чем она связана?

– Дело тут тёмное.

– Насколько?

– Раньше он принадлежал одному достопочтенному господину.

– Что же с ним стало?

– Около двух лет назад он привёз себе дивную секретаршу, – безнравственно разъясняя учтивый водитель, – а следом, почти через год, скоростно скончался – при о-о-очень загадочных обстоятельствах.

– Что с ним произошло? – продолжал я негласный допрос, отлично осознавая, что нахожусь на верном пути и что сейчас мне поведают нечто весьма интересное.

– В его новеньком «мерседесе» отказали супернадёжные тормоза, и он на приличной скорости врезался в автомобильный поезд, как специально выросший у него на пути.

– Неужели? – сейчас я изумился действительно искренне. – Что говорит милиция?

– Ха?! – усмехнулся Иван. – Признали несчастным случаем. Водителя убийственной фуры даже не посадили.

– Хорошо, а как же автосалон? Туркаев что, ему близкий родственник?

– Нет. Здесь дело намного темнее. Туркаев – закоренелый бандит... – говорливый таксист осёкся, сообразив, что болтает «лишнего» и сразу поправился: – По крайней мере, так говорят.

Хоть что-то уже. Пускай ещё полный сумбур, но кое-что всё-таки чуть-чуть прояснилось. Я обратил внимание, что часовые стрелки приблизились к «без десяти минут семь». И тут! Возбуждённый Караваев лётном выскочил из синеватого здания и бегом направился к вишневой «пятёрке». Поспешно завёл и, не прогревая, вымчался со вражеской территории. Я рекомендовал угодливому шофёру следовать строго за ним, но держаться немного поодаль, чтобы не привлекать достаточное внимание. Мера являлась лишней. Судя по характерному ходу, Игорьку

случилось совсем не до нас; он очевидно нервничал и сильно куда-то спешил. Интересно – куда?

Гошик проехал четыре квартала и заехал во двор девятиэтажного дома; он остановился и, выйдя из машины, зашёл в открытый подъезд. В витринные стёкла я различил, как он поднялся на третий этаж, отпер входную дверь и проследовал внутрь. Я расплатился с радушным таксистом и, не напросившись в гости заранее, отправился навестить Караваева. Спокойно поднявшись на требуемую площадку, я неожиданно обнаружил, что дверная створка осталась не заперта. То ли большая удача, а то ли?.. Напряжённый, я быстро зашёл в чуть приоткрытый проём. Моим первичным намерением был резкий натиск, не позволявший ни грамма опомниться. Достав излюбленный «тульский токарёв», я принялся шаг за шагом обследовать двухкомнатное жилище.

Осмотрев непрезентабельные комнатёнки и малую кухню, я никого не обнаружил и продолжил последовательные исследования. Вначале заглянул в туалет, затем, соблюдая основные правила спецназовского осмотра, перекинулся в ванную. От увиденного вырвался недовольный крик:

– Дьявол!

Далее, убрав убойную «пушку», я грустно добавил:

– Черти меня раздери-то, что же здесь происходит? Моё посещение славного Питера всё больше обрастает свежими трупами – они липнут как будто бы специально.

В избранной профессии явление считалось вполне очевидным, поэтому, быстро закончив словесные причитания, я пристально изучил очередного покойника. Судя по кругленьким дырочкам, зиявшим в сереньком свитере, кто-то угостил Игорька доброй свинцовой порцией; да и пуль, по-моему, ничуть не жалели. Я насчитал пять отверстий телесных и одно головное. Продолжил более детальный осмотр. Туловище приняло положение литеры «Л»: верхняя часть закинулась в ванну, ноги свесились на пол. Помывочная ёмкость заполнилась гошиной кровью. Осмотрев карманы коричневых брюк, обнаружил водительское удостоверение, выданное на имя Караваева Игоря Викторовича, да денежные купюры – долларов триста. Я почему-то предположил, что валютные капиталы убитому ни к чему, а потому забрал их себе; личные документы вернулись на прежнее место.

Закончив занятие, наиболее неприятное, я мысленно купил себе новенькие ботинки, и, как обычно, остался верным служебному долгу, и проделал следующие мероприятия: бросился в соседнюю комнату, набрал «02», рассказал о случившемся происшествии и назвал точный адрес, который выяснил из караваевских прав. Как и всегда, представляться я не отважился. Едва закончив телефонную трепотню, я услышал в коридоре лёгонький шорох... Вслед за ним последовал звук хлопнувшей двери.

Особенно не раздумывая, я устремился вдогонку. Две секунды потерялось на отпирание щёлкнувшего замка. Выбежав на лестничную площадку, увидел, как к первому этажу спускается проворненький паренёк. В неуёмной головушке настойчиво крепла шальная мысль, что если того догнать и задать ему парочку нескромных вопросов, то прольётся свет на некоторые, особо интересующие, подробности. Проникнувшись полной уверенностью, я начал преследовать.

Оказавшись на улице, мне бросилось в наметанный глаз, как преследуемый хлопец запрыгнул в бежевую «шестёрку» и возмел настойчивое желание по-быстрому скрыться. Естественно, я не мог того допустить! Расстояние между мной и удиравшей машиной увеличилось метров до тридцати; она набрала приличную скорость, и догнать ее бегом не имело практического смысла. Недолго думая, извлёк наружу прославленный «тульский токарёв». Хорошенечко не прицелившись, выстрелил в переднее колесо. Уличная стрельба являлась делом обыденным: она периодически возникала то в том месте, а то в ином, и я палил из огнестрельного оружия без всякого зазрения совести. Меткая пуля угодила в стальную основу, не

причинив вреда наружной крышке. Перед тем как покинуть дворовую территорию, необходимо миновать высокую выездную арку. Приблизившись к ней вплотную, неумелый водитель немного притормозил, чем предоставил уникальную возможность поточнее направить прицельную мушку. Прогремел одиночный выстрел. Я присмотрелся: выпущенный заряд достиг назначенной цели. Подстреленный транспорт тотчас же занесло и резко бросило влево – она врезалась в угол здания, ровно под аркой. Чтобы не позволить успешно «раскантироваться», я устремился бегом, быстро приблизился и нагло расхлебнул водительскую «калитку». Имея неуёмное желание достигнуть взаимного понимания, оточенным ударом хрястнул в злодейскую переносицу. Ответом брызнули обильные слёзы, а округлённые глаза мгновенно подплыли; из носа заструилась багровая жидкость.

Было очевидно, что я сломал ему переносицу, и какое-то время оказывать должного сопротивления тот явно не сможет. Тонем, не терпевшим никаких возражений, я «вежливо» попросил пересесть – подвинуться на пассажирское кресло. Он был никакой уже не боец: болевые ощущения парализовали мужскую волю, и он безропотно мне подчинился. Я прыгнул в водительское сиденье и не спеша заехал под арку. Колесо проявилось пробитым, что причиняло немалые неудобства, но ехать было возможно.

– Где мы можем спокойно пообщаться? – озадачился я всецело нормальным вопросом. – Желательно, чтобы местечко считалось тихим – это понятно?

– Конечно, – всхлипывая, ответил побитый мужчина, – можно ко мне.

– Где ты живёшь?

– Недалеко, в соседнем квартале.

– Хорошо, поехали. Указывай прямую дорогу.

Рулевую баранку тянуло влево, но кое-как мы всё же доехали. По пути между нами состоялся ознакомительный разговор:

– Тебя как зовут, паря? – поинтересовался я задористым тоном.

– Володя.

Выглядел он лет, наверно, на тридцать пять; чёрные волосы остались взъерошенными; под оливковыми глазами имелись круги, синюшные и подплывшие; худое лицо выглядело обрюзгшим, что указывало на длительное пристрастие к губительной выпивке; средний рост и худощавое телосложение выдавали не развитого в физическом плане обычного человека.

– У меня к тебе дельное предложение, Вова, – я продолжал, – покаяться как на божественной исповеди.

– Очень хотелось бы знать: в чём именно?

Видя, что он мне нахально ёрничает, от убедительных комментариев я пока воздержался.

– Всякому человеку всегда есть о чём раскаться. Ты же не хочешь, чтобы наше знакомство продолжилось так же, как началось?

Вовочка (как мысленно я его обозвал) поёжился и почесал ушибленный нос; видимо, начальное развитие отношений не особо ему понравилось.

– Я бы все-таки предпочёл узнать, что от меня потребуется? – настаивал Вова.

– Если светлые мысли глупую голову покамест не посещают, – сделал я закономерное заключение, – возьмусь предположить, что ты ещё не отошел от радостных ощущений, вызванных внезапно завязавшейся дружбой, – пошёл ответный сарказм, – и выскажу разумное предложение: отложить несостоятельный разговор, пока встряхнувшийся мозг немного не проясниться.

Владимира предложенная постановка вопроса устроила целиком и полностью.

Глава VI. В квартире у Владимира

Возвращаясь к сказанному, мы проделали путь до Володиного дома без всяческих приключений. Бросив потрёпанную машину в невзрачном дворе, поднялись на второй этаж и зашли в среднюю, из трёх соседних, квартиру. Я обратил внимание, что дверь оставалась не запертой.

– У тебя кто-то есть? – задался ничуть не оригинальный вопрос.

– Нет, – сухо бросил лукавый хозяин, – я ключи потерял.

– Хорошо, – на всякий случай я расстегнул сокрытую кобуру, – двигай вперёд.

Как только мы оказались во внутренних помещениях, он откуда-то, из одного ему известного места, извлёк бейсбольную биту и, сильно размахнувшись, нанёс нехилый удар; он направил его в мою шальную голову. Где ему, бедному, было знать, что я не раз оказывался в непривлекательных ситуациях и что всегда готов к чему-то похожему. Резво уклонившись, я сделал шаг влево, второй на ход, просчитал движение вражьего тела, эффектно полуприсел и правым локтем мощно ткнул его в незащищённую грудь – в область солнечного сплетения.

Вовочка зашатался и одичало присел, хватая ртом воздух. Дыхание считалось конкретно сбитым и требовалось определённое время, чтобы оно хоть как-то восстановилось. Предоставив ему минуты две или три, за которые он мал-помалу очухался, я подхватил неучтивого хозяина под мышки, перенёс его в зальную комнату и продолжил искать взаимного понимания.

– Когда до тебя, Володька, дойдёт, что я хочу простой, чисто откровенной, беседы, – говорил я, беря его средний палец и яро загибая в тыльную сторону.

Раздался своеобразный хруст, Вовины глаза наполнились густыми слезами – можно не сомневаться, он испытывал нестерпимо жуткую боль.

– Что тебе от меня нужно? – запричитал непочтительный собеседник. – Я ничего не знаю.

– Странно?.. – усиливая болезненное давление, продолжил я спокойно, как будто ничего и не делал. – Лично у меня крепнет настойчивое предубеждение, что ты пытаешься ввести меня в наивное заблуждение.

– Я же говорю, – извиваясь всем телом, вопил хозяин квартиры, – я не понимаю, что тебе нужно?!

– Да?.. Правда? Я ведь могу ещё и грязными пассатижами ногти срывать да зубы вытаскивать. У тебя пассатижи есть?

– Нет.

– Очень жаль. Что же нам с тобой делать?

– Просто объясни мне, чего тебе надобно? – видимо, Владимир решил начать откровенничать.

– Меня интересует преждевременный уход из жизни Гошика Каравая, случившийся, как что-то подсказывает, без его и Господа Бога прямого согласия.

– В смысле?! – выпучивая недоумённые очи, изумился Володя. – Разве Гоша скончался?

– То есть, я понимаю, ты хочешь уверить, что о безвременной кончине водителя господина Туркаева ты первый раз слышишь – не так ли? Или, может, я ошибаюсь? – ломая захваченный палец, я продолжил пристрастный допрос.

Дико взыв, Вовочка забрызгал меня солёной влагой и громко запричитал:

– О чём ты говоришь?! Я только в его квартиру зашёл. Мы договорились встретиться посидеть, да и культурненько отдохнуть – немного выпить и закусить.

– Допустим... Зачем ты тогда побежал?

– Увидел незнакомого парня, звонившего в милицейское отделение, и – от греха подальше! – решил быстрее свалить – вот вроде и всё.

«Постпыточное» признание походило на голую правду – после проделанных испытаний вряд ли кому взгрустнётся изворачиваться и дальше? Закрепиться в стопроцентной уверенности мне, к грусти, не удалось, потому что в квартиру вошли двое, мною не приглашённых, приятелей. Заставшие нас за неприятным занятием, посетители решили меня проучить: воздать по заслугам и яростно наказать. Они гляделись одинаковым ростом и обладали жилистыми телами; оба оказались немного навеселе. Предположив, что втроём они доставят мне лишние хлопоты, я кинулся на боевое опережение.

Схватив Вову, сидевшего на полу, руками за голову, я резко выбросил согнутое колено и повторно познакомил с болезненным носовым переломом. Тот моментально лишился сознания. Из полусидевшего положения, распрямляя обе ноги, я ловко отпрыгнул в сторону. Если бы я чутка замешкался, то получил бы увесистую затрещину, направленную в висок. Энергично развернувшись вокруг незримой оси, я хлётко пнул в непривлекательную физиономию второго врага.

– Вали его! – закричал уже третий.

Он вступил в поединок, схватив деревянный стул. Попытался проверить его на прочность, нацеливаясь точно мне в голову. Конечно, с его поспешным решением я оказался полностью не согласен и выразил активный протест, подныривая под вовсе не лёгкий предмет. В тот же момент, очутившись с нападавшим тупицей на расстоянии вытянутой руки, раскрытой ладонью ударил ярому противнику в открытое горло. Он закашлялся и, «обиженный», безвольно присел. На какое-то время его можно было не опасаться.

– Убью, поганую «суку»! – выкрикнул и второй; он достал из брючного кармана острокопечную «выкидуху», направил в мою сторону узковатое лезвие и грозно продолжил: – Молись, трусливая «тварь»!

– Не могу припомнить ни одной подходящей молитвы – может быть, ты напомнишь? Хотя, нет! Помолись-ка, тупоголовый дружок, уж лучше сам.

Расстояние промеж нас едва ли превышало полметра – каждая ошибка могла бы стать роковой. Поэтому я, максимально собравшись, отлично сгруппировался, встал в удобную стойку и приготовился к отражению внезапной атаки. Произведя пару «технических» взмахов, осатанелый неприятель произвёл некорректный выпад – хотел поразить меня в область сердца. Пришлось переместиться в левую сторону, чтобы пропустить клинковое остриё мимо себя. Одновременно была захвачена вражеская конечность, прочно сжимавшая убийственный нож. Я довёл её на запястный излом, пока не раздался характерный треск сломавшейся вражьей кости. Обезволенный неприятель застонал от мучительной боли.

Не давая ему опомниться, я схватил вихрастую «бестолковку», энергичным движением потянул её книзу и тем же мигом выбросил навстречу согнутое колено; оно столкнулось с расквашенным носом. Слегка «прихрюкнув», тот моментально обмяк. Я его отпустил, понимая, что неприятностей реальных он вряд ли уже создаст. Переключился опять на третьего. Тот давно отдышался и, чётко определив, кто здесь является главным, молча посиживал в дальнем углу.

Я обследовал внутрикомнатное пространство – в поисках подручных средств связывания. Попутно не упускал «живого» мужчину из виду. Обнаружив незаменимый «скотч», надёжно обработал им новых знакомых – хорошенечко связал и руки, и ноги. В довершение усадил их спиной друг к другу и поплотней привязал. Полюбовался немного искусной работой. Так приятно наблюдать, как агрессивные вояки мирно, как два голубка, безмятежно сидят и наслаждаются глухой тишиной. Я подхватил бесчувственного хозяина, перенёс в соседнюю комнату, поудобнее расположился в обшарпанном кресле и принялся дожидаться его нескорого пробуждения.

Во время ожидания, чтобы исключить появление новых незваных гостей, я заперся изнутри. Моя предусмотрительность, несомненно, остановила бы других посетителей, если бы ещё кому-нибудь взбрело в голову прибыть в «захваченный» адрес.

Часовые стрелки показывали раннюю ночь; я понимал, что потратился на Вовку впустую, но всё же требовалось добросовестно убедиться, основательно допросив бездвижного оппонента. Для ускорения процесса, бесчувственный хозяин облился холодной водой, после чего он стал медленно приходить в себя. Его рука, в месте сломанного пальца, изрядно распухла. Она слегка придавилась правой ногой, давая хорошенько понять, что шутить я больше не собираюсь.

– Так что, Вовочка... ты действительно не знал, что Игорёчка убили? – завёл я «прежнюю песню».

– Говорю же, нет, – всхлипнул Владимир. – Практически каждый вечер мы встречаемся, чтобы выпить вина – то у него на квартире, то у меня.

– Это понятно. Теперь про этих двух «клоунов», что бесцеремонно ввалились в самый неподходящий момент.

– Это наши друзья – Петя и Миша.

– Хорошо, а как они – так вовремя! – у тебя появились?

– Вчера мы договорились встретиться у меня.

– Продолжай.

– Я должен был к половине восьмого заехать за Гошей.

– Интересно?

– Забрать его и вместе с ним приехать ко мне.

– Вот оно что! – понемногу всё прояснялась.

– Ну, а к восьми часам вечера ожидалось Миша и Петя.

– Поэтому ты умышленно не запер входную дверь?

– Правильно. Если бы они пришли, а нас ещё не было, то вошли бы вовнутрь и остались преспокойненько нас дожидаться.

– И именно на них ты рассчитывал, – проясняя несложную ситуацию, сделал я детальное заключение, – когда мы ехали на домашний адрес?

– Да, я предполагал, что втроём мы тебя одолеем.

– Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, что, возможно, и ошибался? – не отказался я от удовольствия съёрничать.

– Теперь, да... такого крутого парня, как ты, я ещё ни разу не видел.

Всегда приятно слышать учтивую лесть, тем более от поверженного тобою предприимчивого противника, но я оставался здесь совсем не за тем. Все, что нужно, я выяснил (правда, ничуть не приблизился к конечной разгадке), теперь же требовалось благоразумно свалить. Чем заниматься дальше? Перво-наперво отдохнуть да выработать хитроумный план действий на завтра.

По дороге в уютный отель я много поразмышлял, в ходе чего отчётливо понял, что, как и легендарный английский сыщик (когда он оказался в двадцатом веке), я ничуть не поспеваю за развивающимися событиями; они постоянно меня опережают, а я их только фиксирую. Приняв волевое решение: «На следующий день явиться в милицееское управление, раскрыть несостоятельное инкогнито, рассказать, что мне известно о двух последних убийствах, и начать изопрятаться открыто, прекрасно понимая, что тайная операция, к неудаче, не состоялась.

У меня не вызывало ни скромных сомнений, что Туркаев Олежек причастен к подготавливаемому валютному похищению; а до предполагаемого мероприятия оставалось не больше недели. Чтобы дезорганизовать планируемую аферу, полагалось вывести преступного лидера из общей игры. Неплохо бы его задержать и привязать к неочевидным убийствам Гошика Караваева да Дантеса Карелина. Как он убивал второго, видел я лично, да и тот несомненный факт,

что он поучаствовал в судьбе водителя Игорька, не требовал дополнительных убеждений. Российская милиция работать умеет, и я не исключал благоприятной возможности, что Туркаев во обоих убийствах (ну, или хотя бы в одном?) поспешно сознается. Если допустить, что чего-нибудь не срастётся (во что я почти не верил!), то по российским законам всё равно его можно держать сорок восемь часов. Я наивно предположил, что двухдневного времени будет достаточно, чтобы сорвать бандитские планы и не допустить хищения американской валюты. Кроме того, неплохо бы задержать всю его отстойную «шоблу» и немного вправить сильно раздухавшиеся мозги.

С благими намерениями я прибыл в арендованный номер и повалился, не раздеваясь, спать; оно и правильно, время спустилось за глубокую полночь. Во сне я почему-то припомнил прошлую жизнь...

Глава VII. Детство и юность

Рос я в семье, считавшейся вполне состоявшейся. Родители мои, закончив высшее образование, получили перспективные должности в родном регионе. О таком в то время можно только мечтать – достойная работа, да практически дома. И всё бы вроде неплохо, но нерадивый отец любил изрядно повеселиться, изо всех доступных напитков особо предпочитая «Русскую водку». Пагубное увлечение очень быстро переросло в сплошную зависимость, и праздное веселье продолжалось едва ли не круглыми сутками. Естественно, нерадивые сотрудники не больно-то где и нужны. Батя часто менял работу, переезжая из города в город. Имея убедительный говор и притягательно-приятную внешность, ему всякий раз удавалось находить завидные руководящие должности. За четыре года мы исколесили половину страны. В конечном итоге уставшей маме изрядно поднадоело терпеть бесконечные отцовские пьянки да постоянные унижения. Забрав меня, она (когда мне исполнилось полные восемь лет) захватила, что смогла с собой унести, и уехала жить в провинциальный поселок, расположенный в центральной России.

Приходилось ей трудно: с утра и до позднего вечера она пропадала на тяжёлой работе. Я рос практически сам по себе, полностью без родительского контроля. Время тогда считалось суровым: шли переломные восьмидесятые годы. Как я не оказался за тюремной решёткой – не устаю поражаться вплоть до сих пор. Разбои, грабежи, поджоги, массовые драки – вот то «немногое», в чём лично довелось поучаствовать. Все мои закадычные друзья-приятели, так или иначе, рано или поздно попадали в тюрьму, но меня благая судьба до поры до времени берегла.

В неполных тринадцать лет я поучаствовал в уничтожении начальной школы и сеновального склада.

В первом случае просто решили попробовать голубинового мяса. Тайно проникли в чердачные помещения, где в великом множестве водились пернатые обитатели. Оказавшись внутри, развели несильный костер, наловили с десятков птиц, освежевали их и прямо тут же зажиарили. Неожиданно! Один из недалёковидных (скорее, тупоумных!) товарищей достал из яркого пламени горевшие брюки и бросил их в угол; там складировалась хлопчатобумажная вата, моментально начавшая тлеть. Мы разом, словно бы полоумные, бросились вырывать загоревшиеся клочки и через слуховое окно выбрасывали на улицу. Как назло, поднялся неугомонный ветер. Стояла глубокая осень; поникшая трава подсохла, и падавшие ватные искорки воспламеняли её довольно легко. Постепенно жаркое пламя охватило всё здание, и мы едва успели, беспечные, убраться подальше.

Во втором случае проникли на охраняемую территорию местного предприятия; там находился устроенный под навесом государственный сеновал. Не следует лишне распространяться, а стоит сказать, что, уподобившись трудолюбивым кротам, мы нарыли в нём тайных ходов; в них удобно прятаться и согреваться унылыми зимними днями. В одно из рискованных посещений не сильно умный приятель вознамерился покурить. Как мы оттуда успели, живые, выскочить – я до сих пор удивляюсь. Напрочь сухой сеник уничтожился за считанные минуты: он сгорел словно враз вспыхнувший порох.

К слову, о порохе. Ещё в раннем детстве я посчитал необходимым освоить первоначальные подрывные секреты. Взрывчатку изготавливали из самых обыкновенных предметов, имевшихся в каждом обывательском доме. Особо предпочитались разрывы всяких стеклянных емкостей. Тонкостью взрывного устройства предполагалось, чтобы уничтожаемый сосуд обязательно плотно закручивался. В любом магазине канцелярских товаров реализовывались пластиковые линейки. Их поджигали и сразу тушили. Самопроизвольно тлея, они выделяли большое количество дыма. Помещаешь такую линейку в особую банку, закручиваешь крышкой

и, долго не рассуждая, подальше бросаешь. Мгновенно наполняясь дымными газами, непрочная ёмкость, не в силах сдержать немаленькое внутреннее давление, с грохотом разрывалась, вокруг разбрасывая бесчисленные осколки. Однажды я провозился, закручивая крышку, излишне долго и не успел своевременно избавиться от вовсе не безопасной конструкции. Следствием неумелых телодвижений явилось прискорбное обстоятельство: неминуемый взрыв случился прямо в моих руках. Хорошо, что пузырьёк оказался маленький, что внутреннее давление не оказалось слишком достаточным и что разлетевшиеся осколки не впивались в меня глубоко. В любом случае они причинили мне немало болезненных ощущений и покрыли бессчётными широкими шрамами.

Когда я чуть повзрослел, в пацанскую моду вошло кататься на поезде; мы ездили до областного центра и тем же рейсом мотались обратно. Билетов, естественно, ни разу не покупали, предпочитая передвигаться нахально, общим хулиганистым скопом, к которому навряд ли кто подойдёт. От наших раздольных поездок нередко страдали жилые дома, не отдалённо примыкавшие к железнодорожному полотну. Мальчишеские карманы, перед каждой поездкой, наполнялись меленьким гравием, а проезжая мимо, отрабатывалась бросковая меткость, нацеленная в ближайšie окна. Нередко, после разнузданных упражнений, слышался звон бившихся стёкол.

Несмотря на шальные увлечения и напрочь дурную компанию, я слыл далеко не глупым и легко осваивал преподаваемые в школе первичные навыки. Помимо прочего, не забывался спортивный зал, приносивший и мышечную массу, и крепкое физическое здоровье. В семнадцать лет я успешно отмучил итоговые экзамены. Стойкое увлечение, направленное на частые городские поездки, переросло в прямую привязанность. На вокзале я сдружился с несколькими отмороженными цыганами. Меня приняли как своего, потому что посчитали помешанным полукровкой (моя родная бабка являлась чистокровной цыганкой). Новые знакомые «держали» всю привокзальную территорию: они обирали ночных пассажиров и наводили жуткого страху на всю округу вокруг. Излюбленным способом считалось подсылать к очередному «клиенту» (либо группе – для них не особо важно) низкорослого цыганёнка по имени Коля. Хотя он едва ли достиг метрового роста, но биологический возраст его перевалил за двадцать пять лет. Выбрав обречённую цель, коротенький провокатор обращался с обыкновенным вопросом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.